

ЗНАТЬ У АСТРАХАНСКИХ ЮРТОВСКИХ ТАТАР В XVII ВЕКЕ¹

Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук

Астраханский государственный университет
414026, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: itoropitsyn@mail.ru

Статья посвящена вопросам социально-политической истории тюркской служилой знати в Нижнем Поволжье в XVII в. На основе широкого круга источников анализируется социальная структура знати астраханских юртовских татар, рассматриваются круг их полномочий и сферы ответственности, правовой статус в составе русского государства, особенности взаимоотношений юртовской знати с местными русскими властями. Представители юртовской знати не только играли важную роль в социально-политической жизни своего общества, но и были активными участниками внешней политики русского государства. Военная служба была одной из главных обязанностей астраханских мурз и других представителей юртовской знати, которая дополнялась поручениями по сопровождению посольств, присылки в Москву ордабазарной станицы и другими. При этом мурзы и табунные головы были независимы друг от друга в своих действиях, что подтверждается их самостоятельным участием в военных кампаниях и в выполнении других служебных обязанностей.

Ключевые слова: Астраханские юртовские татары, мурзы, табунные головы, астраханские власти, XVII век

THE NOBILITY AT THE ASTRAKHAN YURTOVSKY TATARS IN THE XVII CENTURY.

Toropitsyn Ilya V., Ph. D. (History)

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414026, Russian Federation
E-mail: itoropitsyn@mail.ru

Article is devoted to questions of socio-political history of the Turkic sluzhily nobility in Lower Volga Area in the XVII century. On the basis of a wide range of sources the social structure of the nobility Astrakhan the yurtovskikh of Tatars is analyzed, are considered a circle of their powers and the responsibility sphere, legal status as a part of the Russian state, feature of relationship of the yurtoovsky nobility with the local Russian authorities. Military service was one of the primary responsibilities of Astrakhan murzas Yurt and other members of the nobility, which was supplemented with instructions for maintenance of embassies. When this nobleman and tabun heads were independent of each other in their actions, as evidenced by their independent participation in military campaigns

Keywords: Astrakhan yurtovsky Tatars, Murzas, tabunny heads, Astrakhan authorities, XVII century

Астраханские юртовские татары с давних времен привлекали внимание путешественников и исследователей. О них упоминает купец Ф. Котов в своих путевых заметках [24, с. 67–68]. В сочинении секретаря голштинского посольства в Персию (1636 г.) А. Олеария целая глава посвящена жителям «Нагайской» страны, под которой он подразумевал Нижнее Поволжье [14, с. 344–350]. Уделили внимание тюрк-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Астраханские юртовские татары в орбите внутренней и внешней политики России в XVII – XVIII вв.», проект № 14-01-00054а.

ским народам Нижнего Поволжья турецкий путешественник Э. Челеби, посетивший эти земли в 1666 г., и голландский парусный мастер Я. Стрюйс, служивший в Астрахани в составе экипажа корабля «Орел» [26, с. 132–144; 17, с. 83–87].

Наблюдения авторов XVII в. весьма интересны, так как свидетельствуют о наличии многочисленной феодальной верхушки у астраханских татар. Так, А. Олеарий указывает, что «туземным татарам», под которыми он подразумевает жителей астраханских окрестностей, то есть юртовских татар, разрешается иметь «своих собственных князей, атаманов и судей, но чтобы не было оснований ожидать мятежа, несколько человек их мурз или князей всегда должны поочередно храниться и содержаться в Астрахани в кремле в качестве заложников» [14, с. 349]. Э. Челеби отмечает, что у мусульман, обитающих в Нижнем Поволжье, «имеются также свои собственные правители: Казаналп-бай-мирза и прочие вельможи, обитающие внутри города» Астрахани. Среди представителей знати астраханских татар («хешдеков») турецкий путешественник указывает «беев» [26, с. 132, 134]. Я. Стрюйс сообщает, что у кочующих в окрестностях Астрахани тюркских народов «есть князья и начальники из своего племени, которым только они и повинуются» [17, с. 87].

Как видим, для авторов XVII в. характерно упоминание наличия у астраханских юртовских татар (или ногайцев) не только мурз (князей), но и других представителей знати («атаманов», «судей», «беев», «начальников»), в функции которых входили вопросы управления и осуществления правосудия среди подвластного им населения. Но этих сведений недостаточно, чтобы судить о социальной структуре юртовского общества, характере взаимоотношений российских властей с юртовской знатью.

Крупный специалист по истории феодализма А.А. Новосельский, считал, что юртовцы, положение которых он определял, как близкое к статусу служилых татар в России, находились под управлением потомков мурзы Тинбая, в то время как потомки мурзы Уруса владели улусами «едисанских татар» (джетисанцев), которые были связаны с Астраханью близостью своих кочевий [12, с. 56]. Остановившись в другой своей работе на взаимоотношениях астраханских властей с местными татарами, А.А. Новосельский отмечает, что к середине XVII в. в Астрахани были выработаны определенные правила, касающиеся мурз и остальных татар при посещении ими города, проживания в его окрестностях, взаимной торговли. Однако и он не акцентирует внимание на социальном статусе юртовской знати, отмечая лишь, что кейкувату Янмамату-мурзе Тинмамату и его двоюродному брату Алею-мурзе Урусову разрешалось ездить в Астрахани на конях, тогда как все остальные тюркские подданные должны были ходить по городу пешими. Но А.А. Новосельский не был склонен видеть в этом проявление некоего предпочтения, которое оказывалось местными воеводами отдельным мурзам. В цитируемом им документе воевода Ф. Куракин в отписке царю объяснял этот факт состоянием здоровья мурз, один из которых был стар, а другой «ногами болен», добавляя, что «и до нас, холопей твоих, они в город на лошадях ездили ж» [13, с. 44–45].

В современной историографии к периоду XVII в. в жизни юртовских татар обращались не часто. Прежде всего, следует выделить коллективное исследование «Татарь», в котором авторы, основываясь на данных, относящихся к XVII в., постарались реконструировать социальную структуру астраханского юртовского общества. К группе феодальных верхов они отнесли мурз, табунных голов, сотников и десятников, а также духовенство. На противоположном конце социальной лестницы юртовского общества, по представлению авторов, располагались «родовые черные татарь», составившие, по всей видимости, группу зависимого от феодалов населения [21, с. 117].

По мнению автора монографии по истории Ногайской Орды В.В. Трепавлова, юртовцы (под которыми он подразумевает выходцев из Большой Ногайской Орды, проживавших в полукочевых поселениях в окрестностях Астрахани) делились на табуны во главе с «табунными старшинами, над которыми стояли мирзы Урусовы или Тинбаевы». В.В. Трепавлов считает, что на первых порах обосновавшие у Астра-

хани мирзы «имели право вершить суд над юртовцами, но со временем функция судебной «расправы» перешла к воеводам» [23, с. 431–432, 626].

Таким образом, в историографии сформировалось мнение о сложной социальной структуре тюркского сообщества в Нижнем Поволжье, управлявшегося родоплеменной знатью, зависимой от местных русских властей. Однако насколько представители юртовской знати были самостоятельны в своих действиях, в какой мере эти особенности учитывались российскими властями, как это влияло на взаимосвязи юртовских феодалов с астраханскими воеводами – на эти вопросы историография не дает ответа. В этой связи изучение формирования и развития феодальной верхушки юртовского общества представляет особую актуальность.

Как уже было отмечено в историографии, основу юртовской знати составляли мурзы и другие представители, среди которых особую роль играли табунные головы (они упоминаются в источниках у юртовских татар с конца XVI в.). Мурзы начинают фигурировать в официальных документах наряду с табунными головами в числе астраханских служилых людей в первые годы XVII столетия. Так, в 1614 г. стрелецкий голова Василий Хохлов, давая показания о действиях Терского войска против мятежников во главе с атаманом И. Заруцким на Нижней Волге, указывал: «А Урусова родства под Астраханью государю служат Канай мурза да Рахмангул мурза Тинбаевы, Курмаш мурза Канмурзин, Алей да князь Ондрей Сатыевы, князь Петр Канмурзин, да Ян-Араслановы дети Янсох мурза, да Тоук мурза, да Борис мурза, а четвертому имени не помнит, да юртовские татаровя табунная голова Ромозан Хозя Утелишев, а трем табунным головам имяи не упоминает. А в собранье их всех мурз и юртовских тотар будет тысячи з 2 и больше, а служили государю под Астраханью, не щадя голов своих, бились с воры на смерть» [20, с. 548].

17 мая 1614 г. астраханские воеводы И.Н. Одоевский и С.В. Головин направили грамоту астраханским юртовским табунным головам Рамазану и Сююндуку «с товарищи» и всем юртовским татарам [1, с. 439]. Появление данной грамоты было обусловлено желанием астраханских воевод заручиться политической поддержкой местного татарского населения, а тот факт, что она была адресована астраханским татарам в лице их табунных голов, а не мурз, – свидетельствует, что в период Смутного времени юртовцы в окрестностях Астрахани находились под управлением именно табунных голов.

В то же время мурзы, служившие царю в Астрахани, могли возглавлять объединенные отряды астраханских служилых людей. Так, согласно Новому летописцу в 1618 г. к князю Д.М. Пожарскому, возводившему острог у Пафнунтьева монастыря, пришли из Москвы на помощь «астраханский мурза Курмаш с юртовскими татарами да с стрельцами астраханскими, и посылали много отрядов под королевичи таборы и литовских людей убивали, языков брали, утеснение им делали великое» [25, с. 397].

В последующие годы XVII столетия состав астраханской юртовской знати становится более представительным. Сметный список 139 года (1631 г.) не только содержит данные о количестве служилых татар в Нижнем Поволжье, но и раскрывает их внутреннюю структуру: «Да в Астарахани с Канаем Князем Тинбаевым, да с Курмаш Мурзою Канмурзиным Едисановских Юртовских Мурз, которые кочуют под Астараханию в юртах, опричь Нагайских Мурз Болшово Нагаю, 17 ч., да табунных голов 6 ч., а с Мурзами Едисанов по смете з 900 ч., а с табунными головами Юртовских Татар з 2000 ч. . . .» [18, с. 44].

Источники 1640–1650-х гг. сообщают о том, что астраханские власти выделяют в среде подвластных русскому царю подданных на Нижней Волге татар «разных мурз, улусов и табунов». Так, в 1643 г. список аманатов от тюркских мурз в Астрахани насчитывал несколько десятков человек, среди которых помимо ногайских и джети-санских (едисанских) мурз были указаны юртовские мурзы: Аллаш-мурза Акмурзин, Абла-мурза Канбаев, Ак-мурза, Казы-мурза, Курмаш-мурза Байтерековы, Мамбет-мурза Тохтаров, Би-мурза Чагирев, Кучук-мурза Алатуев, Бек-мурза Ештеков, Салтан-Касим-мурза Байтереков, Иваш-мурза Ян-мурзин сын Абдулов [2, с. 87].

В конце 1630-х – начале 1640-х гг. в числе астраханских мурз, которые посылались из Астрахани на «Государеву службу», за что им потом было выдано жалование, указаны Чебан-мурза Уразлин, юртовский Эрь-мурза Иш-мурзин, джетисанский Юсуп-мурза Тиникеев, джетисанский Мамадемин-мурза Алеев (Урусов), юртовский Мурзабек-мурза Аллашев, юртовский Эль-мурза Ак-мурзин, ногайский Ислам-мурза Чубар-Маметев [2, с. 161–162]. В первой половине 1660-х гг. среди служилых людей в Астрахани числились в общей сложности 65 джетисанских (едисанских) и юртовских мурз и табунных голов [19, с. 42].

Анализ источников убеждает в том, что татары из отдельных табунов самостоятельно участвовали в военных акциях. Так, юртовский татарин Садей Акимбетев из табуна Келимбета Рамазанова «с товарищи» в количестве пятисот человек в 1646 г. ходили «войной» с ногайским кейкуватом Янмаметом-мурзой Тинмаметевым на улусы мурз Иштерековых [2, с. 94]. В 1649 г. табунный голова Темир Саламатов наряду с джетисанскими мурзами Алеем Урусовым и Янмаметом Янасым участвовал в незаконном захвате на реке Бузан (рукав реки Волга) группы ногайцев, джетисанцев и юртовских татар, вышедших из калмыцких улусов с намерением вернуться кочевать к Астрахани [2, с. 101–102].

В XVII в. юртовцы во главе не только с мурзами, но и с табунными головами официально привлекались к походам царскими властями. В 1645 г., например, в поход против Крымского ханства вместе с князем С. Пожарским в составе русского войска приказано было выступить из Астрахани ногайским, джетисанским и юртовским мурзам, табунным головам «со всеми их улусными людьми» [4, с. 42]. В 1654 г. отряд юртовских татар, отправленный из Астрахани к Смоленску на войну против поляков, возглавляли астраханский мурза Атманай Байтереков и табунный голова Курманак Маркашев. В царском указе, присланном в Астрахань в 1654 г., воеводам предписывалось выслать на будущий год для участия в военных действиях против поляков три тысячи астраханских юртовских татар во главе с мурзами (ногайскими, юртовскими и джетисанскими) и табунными головами Келимбетом Ромозановым, Кудашем Ергалышевым, Темиром Саламатовым [2, с. 236]. В 1667 г. в связи с походом донских казаков под предводительством С. Разина на Волгу астраханские воеводы выслали для их перехвата несколько отрядов стрельцов и солдат, а также 300 юртовских татар во главе с табунным головой [11, с. 78]. В 1678 г. в связи с намечаемым походом русских войск в Малороссию в отряд к князю К.М. Черкасскому приказано было направить из Астрахани 500 татар (джетисанских и юртовских), и «в том же походе указал великий государь быть Едисанским и юртовским мурзам всем, да табунному голове» [10, с. 31–32]. В 1694 г. астраханские власти отправили в Кабарду для встречи имеретинского царя Арчила Вахтанговича отряд юртовцев, который возглавили «юртовские мурзы и табунные головы и сотники татарские» Азамат-мурза Эльмурзин Байтереков, Ишей Кашкарин и Тлев Уразаев [3, с. 402]. Как видим, в походах XVII в. юртовцев возглавляли собственные мурзы, в частности, Байтерековы и табунные головы, а джетисанцами, находившимися в российском подданстве, командовали мурзы Урусовы или Тинбаевы.

О тенденции выделения русскими властями разных групп знати в среде юртовцев во взаимоотношениях с ними свидетельствует наказ И.К. Первому, назначенному астраханскими воеводами в октябре 1661 г. головой над ногайскими, джетисанскими (едисанскими) и юртовскими татарами. В нем указывалось пересмотреть «на лицо по списку» в юртах всех юртовских мурз, табунных голов, сотников и десятников, а также всех рядовых «черных» татар и ногайцев. Особое внимание уделялось в наказе взаимодействию с табунными головами. И.К. Первой должен был приказать им «накрепко», чтобы юртовские татары никуда без разрешения не отлучались, а если это произойдет, то «табунные головы б про то сказывали ему». Также табунные головы должны были сообщать И.К. Первому о появлении в юртах приезжих из «Больших Нагай и Казыева улуса» и других мест [8, с. 254–255]. Таким образом, в функции та-

бунных голов не просто входили вопросы управления населением их табунов – астраханские власти ожидали от них содействия в ограничении внешних связей юртовцев и пресечения их побегов за границу.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о правовом статусе юртовской знати в составе русского государства. Как уже отмечалось, все мурзы и табунные головы состояли на царской службе и получали ежегодное жалованье. За это они обязаны были принимать участие в военных походах на стороне русских сил и выполнять другие поручения. Вместе с тем, не редки были случаи «изменью» со стороны астраханской служилой знати, поэтому данный аспект также нашел свое отражение в официальных документах XVII в. «А какое, государь, бывает от мурз и от татар непослушанье, – цитирует А.А. Новосельский отписку астраханских воевод царю, относящуюся к XVII в., – и мы, холопы твои, призываем и им выговариваем против твоего государева указу и о том к тебе, государю, пишем, а наказанья им без твоего указу чинить не смеем» [13, с. 44–45].

Источники свидетельствуют, что не только юртовские мурзы, но и табунные головы были лично не подсудны лицам, которым астраханские власти поручали наблюдать за поведением местного тюркского населения (об этом говорят указы И.К. Первому (1661 г.) и сотнику казанских стрельцов Г. Зизееву (1677 г.), назначенным заведовать в юртах у ногайских, джетисанских, джембуйлукских и юртовских мурз, табунных голов, сотников и татар). В то же время царские указы конца XVII столетия предоставляли астраханским воеводам право проводить в необходимых случаях расследования и выносить вердикт в отношении представителей юртовской знати. «А будет которые Мурзы в великом Государственном деле и в большой измене, по сыску, дойдут до пытки, – говорилось в царском наказе астраханским воеводам в 1700 г., – а опричь пытки про великое Государственное дело и про большую измену сыскать будет не чем: и тех Мурз в великих Государственных делах и в большой измене потому ж пытать, и по роспросным и пыточным речам, чинить им Великого Государя указ, до чего доведется, по своему рассмотрению». Захваченных в бою с русскими войсками мурз астраханские воеводы могли в зависимости от обстоятельств казнить либо помиловать. Так, если «измена» этих лиц была уже не первой и от взятых в плен можно было ожидать того же в будущем, то наказ разрешал воеводам их «вершить». А если мурзы-изменники впервые были взяты «в языцах», и у воевод не было оснований подозревать, что они намерены изменить в будущем, к тому же за них готовы были поручиться астраханские мурзы и табунные головы, то воеводам следовало их «за поруками держать на Аманатном дворе». При этом характерно, что в аманаты местными властями брались родственники только от мурз [8, с. 256; 9, с. 270; 2, с. 122–124; 16, с. 34].

В свете этих обстоятельств заслуживает внимания и тот факт, что во взаимоотношениях с другими народами астраханские власти предпочитали пользоваться услугами табунных голов или рядовых юртовцев, а не астраханских мурз. В.Т. Тепкеев пишет, например, что в середине 1630-х гг. калмыцкие тайши просили астраханских воевод прислать к ним на переговоры «добрых» боярских и дворянских детей, а также авторитетного предводителя юртовских татар Янмамета Рамазанова. В подготовке и проведении другого русско-калмыцкого съезда, состоявшегося под Астраханью 30 марта 1657 г., участвовал татарин Эшей (Ишей) Кашкарин, сыгравший видную роль в политической жизни юртовцев во второй половине XVII – начале XVIII вв. [22, с. 62, 247]. В наказе астраханским воеводам 1700 г. рекомендовалось посылать на переговоры к мурзам Большого Нагая, которые кочевали на Крымской стороне, «Астраханских Нагайских и Эдисанских и Юртовских татар, которым бы мочно верить» [16, с. 39].

В дополнение к указанным фактам можно отметить, что не только астраханских мурз, но и других представителей юртовской знати, прибывших, видимо, к Москве с Ордабазарной станицей, допускали на протокольную встречу с царем. По этому поводу дневальная записка Приказа тайных дел сообщает, что в 1666 г. «после бож.

литургии» царь Алексей Михайлович жаловал в столовой «Астраханских Татарских мурз Урусовых и табунных Татар к руке» [6, с. 190].

Как видим, в социально-политическом статусе представителей разных групп феодальной верхушки астраханских татар прослеживаются определенные общие черты и отличия.

Делопроизводственные документы Астраханской приказной палаты позволяют судить о том, что мурзы, табунные головы и даже татарские сотники имели равное право голоса во взаимоотношении с местными властями, которые учитывали эти особенности юртовской знати. Так, в январе 1694 г. к астраханским властям обратились «юртовские мурзы и табунные головы и сотники татарские, князь Казы княж Алеев сын Урусов с товарищи, табунные головы, Ишей Кашкарин с товарищи, сотники татарские, Тлев Уразаев с товарищи» по вопросу, связанному с продажей лошадей [3, с. 419]. Весьма показательны, что указанные в документе лица выступали от имени разных феодальных юртовских групп: мурз, табунных голов и сотников, что свидетельствует о том, что в то время как, впрочем, и ранее, мурзы не представляли всей юртовской знати.

В процитированном документе обращает на себя внимание то, что мурза Урусов указан как представитель всех юртовских мурз. Очевидно, что к концу XVII столетия российские власти начинают воспринимать джетисанцев и других ногайцев, кочующих под Астраханью, как составную часть астраханских служилых мурз и татар. Так, в наказе астраханским воеводам 1700 г. предписывалось «к иноземцам ко всяким и к Нагайским и к Едисанским и к Юртовским Мурзам и Татарам и к Калмыкам и к Тезикам держать ласку и привет... А в ком в иноземцах и в Астраханских Мурзах и в приходящих во всяких людях какую шатость и измену почаяют: и тех всяких людей роспрашивать и про них сыскивать всякими сыски накрепко» [16, с. 34].

Тенденция отождествления тюркских народов, находящихся на Нижней Волге в русском подданстве, как собственно «астраханских», проявилась еще в первой половине XVII в. По мнению В.В. Трепавлова, это стало происходить по мере распада Большой Ногайской Орды, когда под Астраханью стали селиться не только рядовые улусники, но и мурзы (мирзы), которые получали название астраханских [23, с. 626]. Подтверждение этому мы находим в официальных документах той эпохи. Так, в разрядной выписи, составленной в 1637 г. в связи с делом Г. Плещеева, указывалось, что во время службы в Астрахани в 1618 г. дьяку И. Грязеву вместе с воеводой князем А. Львовым удалось привлечь «под государеву руку» Больших Ногаев, которые перешли кочевать с крымской стороны реки Волги на ногайскую сторону. Они же, «будучи в Астрахани, призвали из-под Юргенч и из-под Бухар и из дальнего кочевья в Астрахань Абху-мурзу с братьею и с племянники, а с ними с 15000 улусных людей, и велели им кочевать с астраханскими мурзы и с юртовскими татары» [4, с. 42]. В 1651 г. царские послы в Крым, ссылаясь на разговор с «казачьим сыном» из Зарайска А. Михайловым, сообщали в Москву, что «присылали де астраханские мурзы 3 человека к крымскому царю грамоты» [7, с. 486]. В 1661 г. в связи с подготовкой похода русских войск в Крым в царской грамоте к боярину и воеводе князю Г.С. Куракину сообщалось, что из Астрахани к Москве пришли «Астраханские Мурзы, и табунные головы, и кочевые Татаровя, и стрельцы, и всяких чинов служилые многие люди», которых царь «указал послать на Нашу Государеву службу против посыльных людей» [15, с. 555].

Очевидно, что в более широком контексте данного вопроса термин «астраханские юртовские татары» («астраханские татары», «юртовские татары») постепенно становится нарицательным для обозначения всего подвластного России тюркского населения, проживающего в XVII в. в окрестностях Астрахани. Хотя внутреннее разделение астраханских мурз на ногайских, джетисанских, джембуйлукских и юртовских в ряде случаев, например, при выборе от них аманатов, определении на службу, выдаче им жалованья, сохранялось до середины XVIII в.

Таким образом, подводя итог сказанному можно отметить, что в течение XVII в. у астраханских юртовских татар происходит формирование феодальной верхушки. Ее основу составили мурзы (ногайские, джетисанские, юртовские) и табунные головы, которые в глазах русских властей имели практически равнозначный социальный статус и на общих основаниях подчинялись местным воеводам. Исключением из принципа равного подхода к юртовской знати было взятие у наиболее значимых мурз родственников в качестве заложников, практиковавшееся властями в Астрахани из-за опасения «измены» с их стороны, и явное предпочтение табунным головам и рядовым юртовцам перед мурзами, отдаваемое воеводами в вопросах привлечения их к региональной дипломатии.

При этом представители юртовской знати не только играли важную роль в социально-политической жизни своего общества, но и были активными участниками внешней политики русского государства. По сути – военная служба была одной из главных обязанностей астраханских мурз и других представителей юртовской знати, которая дополнялась поручениями по сопровождению посольств, присылки в Москву ордабазарной станицы и другими. При этом мурзы и табунные головы были независимы друг от друга в своих действиях, что подтверждается их самостоятельным участием в военных кампаниях и в выполнении других служебных обязанностей.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Санкт-Петербург, 1841. – Т. 3.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Санкт-Петербург, 1842. – Т. 4.
3. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Санкт-Петербург, 1841. – Т. 5.
4. Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук / под ред. Н. А. Попова. – Санкт-Петербург, 1894. – Т. II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659.
5. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Липиным. – Новочеркасск, 1891. – Т. I.
6. Белокуров С. А. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165–7183 гг. / С. А. Белокуров. – Москва : Императорское Общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1908.
7. Воссоединение Украины с Россией : документы и материалы в трех томах. – Москва : Академия наук СССР, 1953. – Т. 2.
8. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Санкт-Петербург, 1851. – Т. 4.
9. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Санкт-Петербург, 1859. – Т. 7.
10. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. – Санкт-Петербург, 1862. – Т. 8.
11. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сборник документов. – Москва : Академия наук СССР, 1954. – Т. I.
12. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / А. А. Новосельский. – Москва – Ленинград : Академия наук СССР, 1948.
13. Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие / А. А. Новосельский. – Москва : Наука, 1994.
14. Олеарий А. Описание путешествия в Московию : пер. с нем. / А. Олеарий ; пер. А. М. Ловягина. – Смоленск : Русич, 2003.
15. Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1830. – 1-е собр. – Т. I.
16. Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1830. – 1-е собр. – Т. IV.
17. Путешествие по России голландца Стрюйса / пер. П. Юрченко // Русский архив. – Москва, 1880. – Кн. I.
18. Сметный список 139 году / И. Д. Беляев // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. – 1849. – Кн. 4.
19. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. / С. Б. Веселовский // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. – 1911. – Кн. 3.

20. Сношения России с Кавказом : материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. – Москва, 1889. – Выпуск 1-й 1578–1613 гг.
21. Татары. – Москва : Наука, 2001. – 583 с.
22. Тепкеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века / В. Т. Тепкеев. – Элиста: Джангар, 2012. – 378 с.
23. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепавлов. – Москва : Восточная литература Российской академии наук, 2002. – 752 с.
24. Хожение купца Федора Котова в Персию. – Москва : Восточная литература, 1958.
25. Буссов Конрад Хроники Смутного времени / Буссов Конрад, Арсений Елассонский, Элиас Геркман // Новый летописец. – Москва : Фонд Сергея Дубова, 1998.
26. Челеби Эвлия Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Эвлия Челеби. – Москва : Наука, 1979. – Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья.

References

1. *Acts historical, collected and published archaeography the commission*, Saint-Petersburg, 1841, vol. 3.
2. *Acts historical, collected and published archaeography the commission*, Saint-Petersburg, 1842, vol. 4.
3. *Acts historical, collected and published archaeography the commission*, Saint-Petersburg, 1842, vol. 5.
4. *The acts of the Moscow state issued by Imperial academy of Sciences under edition of N. A. Popov, the corresponding member of academy*, Saint-Petersburg, 1894, vol. II. Digit order. Moscow table. 1635–1659.
5. *The acts relating to history of Army of Donskoy, collected by the major general A. A. Lishin*, Novocherkassk, 1891, vol. I.
6. Belokurov S. A. *Dnevalnyya zapiski Prikaza taynykh del 7165–7183 gg.* [Men on duty of a note of the Order of secret affairs of 7165–7183], Moscow, Imperial Society of Russian History and Antiquities of the Moscow University Publ. House, 1908.
7. *Vossoedinenie Ukrainy s Rossiej. Dokumenty i materialy v treh tomah.* [Reunion of Ukraine with Russia. Documents and materials in three volumes], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ. House, 1953, vol. 2.
8. *Additions to acts historical, collected and published by the arkheografichesky commission*, Saint-Petersburg, 1851, vol. 4.
9. *Additions to acts historical, collected and published by the arkheografichesky commission*, Saint-Petersburg, 1859, vol. 7.
10. *Additions to acts historical, collected and published by the arkheografichesky commission*, Saint-Petersburg, 1862, vol. 8.
11. *Krestyanskaya vojna pod predvoditelstvom Stepana Razina* [Peasant war under Stepan Razin's leadership], Moscow, USSR Academy of Sciences Publ. House, 1954, vol. I.
12. Novoselskiy A. A. *Borba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [Fight of the Moscow state against Tatars in the first half of the XVII century], Moscow – Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ. House, 1948.
13. Novoselskiy A. A. *Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma. Nauchnoe nasledie* [Researches on history of an era of feudalism. Scientific heritage], Moscow, Nauka Publ., 1994.
14. Oleariy A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [The description of travel to the Moskovia], Smolensk, Rusich Publ., 2003.
15. *Complete collection of laws of the Russian Empire*, Saint-Petersburg, 1830, 1st meeting, vol. I.
16. *Complete collection of laws of the Russian Empire*, Saint-Petersburg, 1830, 1st meeting, vol. IV.
17. *Puteshestvie po Rossii gollandca Strjujsa* [Travel across Russia the Dutch Stryuys]. *Russkiy arkhiv* [The Russian Archive], Moscow, 1880, book 1
18. Beyaev I. D. *Smetnyy spisok 139 godu* [Budget list 139 year]. *Vremennik imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh* [Vremennik of imperial Society of History and Antiquities Russian], 1849, book 4.

19. Veselovskiy S. B. *Smety voennykh sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663 gg.* [Estimates of military forces of the Moscow state 1661–1663]. *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh* [Readings in imperial society of history and antiquities Russian], 1911, book 3.
20. *Snosheniya Rossii s Kavkazom : materialy, izvlechenyye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del Sergeem Al. Belokurovym* [The intercourses of Russia with the Caucasus. Proceedings of the taken from the Moscow main archive of Ministry of Foreign Affairs Sergey Al. Belokurov], Moscow, 1889, issue 1 1578–1613.
21. *Tatary* [Tatars], Moscow, Nauka Publ., 2001. 583 p.
22. Tepkeev V. T. *Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroy treti XVII veka* [Kalmyks in Northern Prikaspiya in the second third of the XVII century], Elista, Dzhangar Publ., 2012. 378 p.
23. Trepavlov V. V. *Istoriya Nogayskoj Ordy* [History of the Nogai Horde], Moscow, East Literature of the Russian Academy Sciences Publ. House, 2002. 752 p.
24. *Khozhdenie kuptsa Fedora Kotova v Persiyu* [Circulation of the merchant Fedor Kotov to Persia], Moscow, East Literature Publ. House, 1958.
25. Bussov Konrad, Yelassonskiy Arseniy, Gerkman Elias *Khroniki Smutnogo vremeni* [Chronicles Time of Troubles]. *Novyy letopisets* [The new chronicler], Moscow, Fond Sergeya Dubova Publ., 1998.
26. Chelebi Evliya *Kniga puteshestviya. (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka).* [Travel book. (Extraction from the composition of the Turkish traveler of the XVII century)]. Moscow, Nauka Publ., 1979, issue 2. The earth of the North Caucasus, the Volga region and Podonya.

ЭЛИТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ: «ТВОРЕЦ», «МЕЦЕНАТ», «ЭСТЕТ»

Карбущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Принципиальным моментом элитологии культуры является вопрос об её субъектности. Кто является ее субъектом, кто непосредственным образом отвечает за ее создание, развитие, потребление и сбережение? По мнению автора, ответ на эти вопросы следует искать в анализе сущности такой триады, как «Творец», «Меценат» и «Эстет», характеризующие субъектов элитарной культуры. Их взаимодействие как раз и составляет тот круг проблем, в которой и оказывается «вписанной» основная проблематика элитологии культуры.

Ключевые слова: элитология, элита, элитность, элитогенез, творчество, личность, качество, статус, достоинство, «творец», «меценат», «эстет»

ELITOLOGY OF CULTURE: "CREATOR", "PATRON", "AESTHETE"

Karabushchenko Pavel L., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

The fundamental point of the elitology of culture is the question of its subject. Who is the subject, who is directly responsible for its creation, its development, consumption and saving? According to the author, the answer to these questions is to be found in such triad as “Creator”, “Patron” and “Aesthete” characterizing subjects of elite culture. Their interaction is just the circle of problems, and which is “encircled” elitology of culture.

Keywords: elitology, elite, elitist, elitogenesis, creativity, personality, quality, status, dignity, “creator”, “patron”, “aesthete”